

пени сильным характером и необычайной энергией. Достаточно вспомнить, с каким самоотвержением и с какой энергией выручает она Великанова в Оренбурге: она выхлопывает ему субсидию в земстве, освобождает из-под ареста, увозит от всегда бдительных кредиторов, увозит из-под глаз его жены в Петербург, делает все возможное, чтобы позировать его деятельность; отучает его от худых привычек, меняет даже внешний вид этого человека и при всем этом увлекается им до последней крайности» (Голос. 1876. 2 мая).

⁵⁰ URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Каирова> (дата обращения : 10.06.2011).

⁵¹ Каирова А. В. Воспоминания газетного корреспондента о Болгарии // Колосья. 1888. № 3. С. 302.

⁵² Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729–1908). М., 1972. С. 170.

⁵³ В частности, говорилось, что народу надлежало обращаться с жалобами к депутатам меджлиса, а не в газеты, журналисты же предупреждались, что «за применение слов против действий правительства» они будут привлекаться к строгой ответственности (Желтяков А. Д. Указ. соч. С. 171).

⁵⁴ Правительственный вестник. 1877. № 151. С. 3.

⁵⁵ Неделя. 1877. № 30. С. 984.

⁵⁶ В газете «Daily Telegraph» от 4 июля 1877 г. была помещена статья «Поведение русских войск в Румынии»,

в которой отмечалось: «Нельзя достаточно хвалить поведение русских войск в Румынии; до сих пор их нельзя упрекнуть ни в одном предосудительном поступке. Они исполнены вежливости и предупредительности со всеми. Как отдельные лица, так и учреждения платят за все наличными деньгами» (цит. по.: Анекдотические истории текущей войны. СПб., 1877. С. 8). Бухарестский корреспондент газеты «Temps» описывает в самых сочувственных выражениях прекрасное состояние и отличный дух русской армии: «... она (русская армия. – С. К.) превзошла самые смелые ожидания ... прекрасные отношения русских солдат и офицеров к населению Румынии» (Северный Вестник. 1877. № 8. С. 1).

⁵⁷ В частности, английские официальные лица лорд Дерби и сэр Генри Элиот отмечали, что именно болгары «подали туркам пример в деле злодейств и ужасов», значит, «обе стороны одинаково виноваты». (Мак-Гахан Я.-А. Зверства в Болгарии. СПб., 1877. С. 125). Сам корреспондент стоял на самых прогрессивных позициях, утверждая: «Если б кто-нибудь попытался в Англии ввести здешнюю систему налогов, то весь народ, как один человек, восстал бы против правительства. Зачем же осуждать бедных болгар за это...» (цит. по: Шипка и Плевна – слава русского оружия. М., 2003. С. 15).

⁵⁸ Репортажи за освободительную войну 1877–1878 / под ред. Л. Генова. София, 1978. С. 9–10.

УДК 378.1-054.6

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА ДЛЯ КИТАЙСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ В МОСКВЕ (1925–1930 годы)

Е. В. Панин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: ehonko@mail.ru

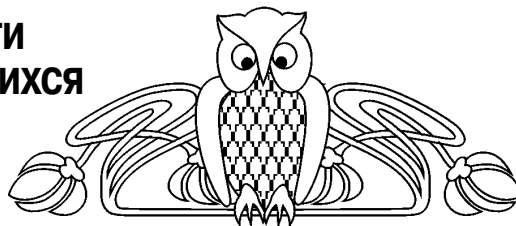
В статье рассматривается история создания и деятельности, а также отличительные черты Университета для трудящихся Китая, существовавшего в Москве в 1925–1930 годы. Анализируется политический, социальный, образовательный, возрастной состав его студенчества. Привлечен широкий круг источников, некоторые архивные материалы вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Советская Россия, интернациональные связи, Коммунистическая партия Китая, Гоминдан, Университет трудящихся Китая.

From the History of Creation and Activity of the University of the Chinese Workers in Moscow (1925–1930)

E. V. Panin

The article is devoted to the history of creation and activity, and also distinctive features of the University for Workers of China, existing in Moscow in 1925–1930. The political, social, educational, age structure of its students is analyzed. The wide range of the sources is involved, some archival materials are introduced in a scientific turn for the first time.

Key words: Soviet Russia, international communications, Communist party of China, Gomindan, University for Workers of China.

С самого начала революционных преобразований в Советской России руководство страны особое внимание уделяло вопросам развития национального образования, распространения своей идеологии в других странах, укрепления интернациональных связей.

Для этой цели уже в самые первые годы советской власти были созданы учебные заведения особого типа – коммунистические университеты для национальных меньшинств. Наиболее известные из них – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Это были интернациональные вузы, входившие в систему советско-партийного просвещения, где обучались представители разных национальностей не только из СССР, но и

из зарубежных государств. Так, в КУТВ в 1924 г. обучались представители 62 национальностей, в том числе студенты, прибывшие из других стран¹. В КУНМЗ и его Ленинградском филиале было образовано более десятка национальных секторов – литовский, латышский польский, немецкий, румынский и др.²

Одна из задач подобных вузов – подготовка советских и партийных кадров для населения национальных окраин, автономных республик и областей, национальных меньшинств Советской страны. Другая, не менее важная задача – подготовка кадров из числа зарубежных студентов для распространения революционных и коммунистических идей в их государствах.

Наряду с интернациональными вузами создавались коммунистические университеты для отдельных национальностей и национальных меньшинств – немцев, эстонцев, китайцев и некоторых других, – где также обучались граждане и не граждане СССР.

В данной работе речь пойдет об Университете для китайских трудящихся (УТК), функционировавшем в Москве в 1925–1930 годах. Цель статьи – показать мотивы создания этого учебного заведения, выявить его особенности, охарактеризовать структуру, учебный процесс, программы, студенческий состав.

Создание и деятельность Университета для китайских трудящихся на территории Советской России – тема, до недавнего времени недостаточно привлекавшая к себе внимание исследователей. Краткие упоминания об университете встречаются в некоторых работах общего характера, посвященных вопросам национальных отношений и интернациональных связей, развития национальных культур в СССР, подготовки национальных кадров партийных и советских работников. В частности, в монографии В. Г. Чеботаревой³ небольшой раздел посвящен становлению национального образования в России в 1925–1938 годах. В работе О. В. Залесской, исследующей положение китайских мигрантов на Дальнем Востоке в 1917–1938 гг., есть общие сведения и об УТК⁴. Аналогичные данные общего характера представлены в монографиях А. Г. Ларина⁵, в исследованиях В. Н. Усова⁶ и А. В. Панцова⁷.

В статьях Д. А. Спичак⁸, посвященных взаимоотношениям ВКП(б) и КПК, определенное место отведено подготовке кадров китайских революционеров в Советской стране. В мае 2010 г. была защищена кандидатская диссертация Д. А. Спичак на эту же тему⁹. Основное внимание автор уделяет политическим аспектам, в том числе и процессам большевизации китайских кадров. На сегодняшний день в российской историографии опубликованных монографических исследований, посвященных Университету трудящихся Китая, нет.

Основным источником для данной публикации послужили архивные материалы, извлечен-

ные из фонда 530 «Коммунистический университет для китайских трудящихся» Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ). В фонде отложились самые разнообразные делопроизводственные документы – отчеты, объяснительные записки, уставы университета разных лет, переписка с вышестоящими организациями и т. д. Некоторые из документов, использованных для написания статьи, вводятся в научный оборот впервые. Еще один вид привлекаемых источников – опубликованные протоколы заседаний Политбюро ВКП(б), переписка руководителей партии и правительства между собой, а также с руководителями китайской революции и Коминтерна¹⁰. Помимо указанных источников привлечены сведения из периодической печати¹¹ и воспоминания выпускника университета Шэн Юэ, изданные на русском языке в 2009 году¹². Автор воспоминаний в 1926–1930 гг. являлся студентом УТК, в Москве жил под псевдонимом Мицкевич. Вскоре после возвращения в Китай в 1934 г. он был арестован. Спасая свою жизнь и жизнь жены, тоже бывшей студентки университета, Шэн Юэ перешел из Компартии Китая (КПК) в партию Гоминьдан¹³. Эмигрировал в США, где состоял на дипломатической работе. Первое издание воспоминаний вышло в 1971 г. в США на английском языке.

Представители китайского национального меньшинства в Советской России¹⁴ имели возможность получить высшее образование практически в любом вузе государства, никаких ограничений на этот счет не существовало.

В коммунистические университеты СССР, наряду с представителями автономных республик и областей, национальных меньшинств (они получали места туда по квотам), охотно принимались, как правило, по рекомендации Коминтерна, участники коммунистического и революционного движения из других стран. На учебу в коммунистические вузы направлялись также студенты по рекомендациям зарубежных коммунистических партий.

Укреплению интернациональных связей, передаче своего опыта, идей и принципов революционной борьбы советское руководство отводило важное место в условиях установки большевиков на скорое осуществление мировой революции. В середине 1920-х гг. в Китае активно развивалось национально-освободительное революционное движение. В 1924 г. был создан единый национально-революционный фронт. На основе сотрудничества КПК с Гоминьданом и при помощи советских военных и политических советников было создано ядро Национально-революционной армии. Росло профсоюзное и крестьянское движение, началась вооруженная борьба против милитаристов. Успехи национально-революционных сил способствовали складыванию непосредственной революционной ситуации в общеитайском масштабе. С целью поддержки революции в Китае для

воспитания революционных кадров в советские вузы увеличивался прием лиц китайского происхождения. Так, в КУТВ существовал отдельный китайский сектор. По сведениям Д. А. Спичак, за период с 1921 по 1927 г. в этом университете прошло обучение (полностью или частично) 1119 китайцев¹⁵.

В связи с установлением более тесных отношений между ВКП(б), Гоминьданом и КПК в Политбюро ЦК ВКП(б) появилась идея создания специального вуза для китайских трудящихся¹⁶. Однако для того чтобы избежать обвинений в разжигании мировой революции, Политбюро 13 августа 1925 г. постановило: «Поручить Оргбюро еще раз рассмотреть вопрос о форме организации Университета трудящихся Китая, приняв во внимание нежелательность придания ему открыто государственного характера»¹⁷. То есть речь шла о создании закрытого (или полузакрытого) учебного заведения на государственные средства (Шэн Юэ в своих воспоминаниях неоднократно обращает внимание на то, что УТК был создан «по инициативе русских»¹⁸). 14 августа 1925 г. по решению Политбюро была созвана межведомственная комиссия, которая приняла решение о скорейшем открытии в Москве университета, которому было присвоено имя Сунь Ятсена¹⁹.

Одновременно было создано и Общество содействия университету, имевшее своей целью открытие данного учебного заведения. В архивах отсутствует упоминание о тех ведомствах, члены которых были представлены в этом обществе. Однако при знакомстве со списком его президиума можно сделать вывод о структурах, выступавших инициаторами создания данного вуза. В Общество содействия университету входило 17 человек, весьма авторитетных политических деятелей, в числе которых советский посол в Австрии А. А. Иоффе, член Политбюро, главный редактор «Правды» Н. И. Бухарин, вдова В. И. Ленина Н. К. Крупская (являвшаяся с 1924 г. членом Центральной контрольной комиссии), член Исполкома Коминтерна К. Б. Радек, ректор КУТВ Г. И. Бройдо, Председатель Всесоюзного совета профсоюзов М. П. Томский, председатель ЦК Союза рабочих металлистов И. И. Лепсе, Генеральный секретарь Профинтерна А. С. Лозовский. Столь высокий статус участников общества говорит об особом внимании государства к созданию университета.

Новый вуз создавался с вполне определенной целью – помочь китайскому национально-революционному движению, в первую очередь правящей партии Гоминьдан. В обнаруженном в фонде РГАСПИ обращении (документ без названия, без подписи и с грифом «Совершенно секретно». – *Е. П.*) к китайским студентам говорится: «Университет имени Сунь Ятсена имеет своей задачей подготовку работников помочь национально-революционному движению, главным образом, Гоминьдану... Задачей Университета Общество (содействия. – *Е. П.*) считает передачу

китайской общественности всего опыта общественного движения в Европе, Америке и на Востоке, чтобы, таким образом, облегчить передовой китайской интеллигенции работу по руководству национально-освободительным движением Китая во все более усложняющихся международных условиях»²⁰.

Шэн Юэ в своих мемуарах пишет: «Официальное открытие УТК было второй вехой в “медовом месяце” тесного сотрудничества Советской России и Гоминьдана. Первой – было открытие ровно за полтора года до этого Военной школы Вампу, созданной с помощью русских в Кантоне в мае 1924 года»²¹.

Итак, Политбюро ставило весьма сжатые сроки для создания университета в Москве. В новое учебное заведение была переведена часть китайцев, обучавшихся в КУТВ. Однако основной контингент студентов составили китайцы, попавшие сюда через целенаправленные наборы в Китае. Первый набор составил 250 человек, часть которых прибыла в Москву к 1 ноября 1925 года.

Открытие Университета трудящихся Китая состоялось 7 ноября 1925 года. На торжественной церемонии присутствовал член Политбюро, член Исполкома Коминтерна Л. Д. Троцкий, который произнес перед собравшимися студентами речь о советско-китайской дружбе²².

Поскольку университет подчинялся непосредственно Наркомпросу, он был включен в систему советских государственно-бюджетных учреждений и ему было предоставлено достаточное финансирование. Ни Коммунистическая партия Китая, ни Гоминьдан материальной помощи вузу не оказывали, УТК существовал исключительно за счет средств Советского государства, которое, в частности, брало на себя все дорожные расходы будущих студентов, обеспечение их жильем, питанием, одеждой и стипендиями. Так, первый бюджет университета составил 550 тыс. рублей, а бюджет 1926 г. достиг уже 735 тыс. рублей²³. По прибытии в Москву будущие студенты были расселены в общежитии университета по адресу: ул. Волхонка, дом 16.

Первым ректором УТК стал Карл Бернгардович Радек (настоящее имя Кароль Собельзон) – советский политический деятель, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения; в 1919–1924 гг. – член ЦК РКП(б); в 1920–1924 гг. – член (в 1920 г. секретарь) Исполкома Коминтерна, член редколлегии газет «Правда», «Известия» и др.

В ходе развернувшейся в СССР внутрипартийной борьбы ректор УТК оказался на стороне троцкистов. 4–5 апреля 1927 г. на собрании актива Московской парторганизации Н. И. Бухарин и И. В. Сталин сделали доклады о положении в Китае, настаивая на необходимости поддерживать дружественные отношения с Гоминьданом и Чан Кайши. Радек стал открыто оспаривать подобную позицию докладчиков. Этот факт, а также его под-

держка Троцкого привели к тому, что уже 6 апреля Радек был отстранен от исполнения обязанностей ректора, а в декабре того же года снят с должности и исключен из партии.

Вторым ректором университета стал Павел Миф (настоящие фамилия, имя и отчество – Михаил Александрович Фортус, 1901–1938 гг.) – член партии с 1917 г., участник Гражданской войны на Украине, член Дальневосточного секретариата Коминтерна, – который возглавлял университет в 1927–1929 годах. Как отмечает в своих мемуарах Шэн Юэ, этот очень молодой (26 лет), весьма высокомерный человек, любивший лесть и подбострастие, был крайне непопулярен среди студентов. В бытность проректором УТК (с 1925 по 1927 г.) он поддерживал контакты только с бегло говорящими по-русски студентами, которых впоследствии стали называть «группой 28 большевиков»²⁴. В годы руководства Павла Мифа в связи разрывом с Гоминьданом 17 сентября 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об изменении названия университета. 17 сентября 1928 г. было принято следующее постановление: «Ввиду слияния китсектора КУТВ с Университетом имени Сунь Ятсена принять предложение объединенного университета о присвоении названия “Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК)”»²⁵. На протяжении всего существования университета в среде его студенчества были весьма популярны идеи троцкизма. В этой связи в вузе в 1929 г. прошла массовая чистка по выявлению сторонников оппозиции. Ректор Павел Миф попросил освободить его от должности.

С 1929 по 1930 г. КУТК руководил Владимир Ильич Вегер (псевдоним – Поволжец, 1888–1945 гг.), сменивший П. Мифа 15 марта 1929 г. В. Вегер – член большевистской партии с 1904 г., организатор знаменитого рабочего восстания на Красной Пресне 1905 года. В 1919–1924 гг. руководил научно-учебной частью Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, а затем возглавлял Московскую областную секцию научных работников. С 1927 г. он являлся инструктором ЦК ВКП(б) и по совместительству ректором Промышленно-экономического института и Первого Московского промышленно-экономического техникума. Одновременно читал лекции и был профессором ряда других московских вузов – МГУ, МВТУ, Тимирязевской сельскохозяйственной академии²⁶. В отличие от предыдущего ректора он внимательно относился к студенческим нуждам, не был высокомерным, за что пользовался всеобщим уважением и популярностью среди студентов.

Таким образом, Политбюро ЦК партии уделяло самое пристальное внимание подбору руководителей вновь созданного вуза. Это были люди, преданные идеям революции и советской власти, с солидным революционным стажем, работавшие в аппарате ЦК ВКП(б) и образовательных учреждениях советско-партийной системы.

Уже упоминалось, что для обучения в университете студенты набирались в основном в Китае. Также приглашались молодые китайцы, проходившие обучение в европейских вузах. В УТК обучались и китайцы, проживавшие на территории Советского Союза. Отбор студентов в Китае проводился в три этапа. Первый включал заполнение регистрационной карточки с указанием основных биографических данных, происхождения, социального положения и т. д. Второй этап предусматривал написание сочинения на тему «Что такое национальная революция?». И третий этап – устное собеседование о текущих политических событиях. Из этого очевидно, что никакой специальной подготовки для обучения китайских студентов в Москве не требовалось. Помимо основной группы студентов, сдавших экзамены, более 30 человек первого набора (в большинстве своем это были близкие родственники влиятельных членов Гоминьдана) были отобраны лично советским советником при Гоминьдане М. И. Бородиным²⁷. Успешно прошедшие отбор будущие студенты были направлены в Москву. Добирались через Владивосток, причем путь через весь Советский Союз занимал десять суток.

Студенческий состав университета имел свои особенности. Анализ архивных материалов РГАСПИ позволяет судить о партийном, социальном составе и образовательном уровне студентов. Поскольку первоначально большинство студентов было членами партии Гоминьдан (из 250 студентов первого набора лишь 20% принадлежали к коммунистической молодежи), среди абитуриентов, наряду с рабочими и крестьянами, были представлены служащие, интеллигенция, военные и даже чиновники²⁸. Д. А. Спичак особо акцентирует внимание на том, что большая часть прибывших на учебу китайцев была непролетарского происхождения²⁹.

Шэн Юэ пишет о том, что после разрыва ВКП(б) с Гоминьданом, произошедшего в результате антикоммунистического переворота, устроенного Чан Кайши в Китае в 1927 г., социальный состав студенчества якобы резко меняется в сторону увеличения представителей рабочих и крестьян. Однако обнаруженные нами сведения на 13 февраля 1930 г. показывают, что среди 444 студентов рабочих было 125 человек (28%), крестьян – 11 (2,5%), учащихся – 218 (48,6%). К остальным категориям – представителям интеллигенции, чиновников, военных и ремесленников – принадлежал 61 человек (13,7%)³⁰. Эти данные свидетельствуют, что резкого изменения социального состава студенчества не произошло. Хотя после событий 1927 г. Политбюро ВКП(б) дало поручение руководству университета привлечь больше рабочих и крестьян, сделать это было чрезвычайно сложно, поскольку выходцы из тех социальных слоев, на которые опирались китайские коммунисты, не имели, как правило, даже начального образования.

Уровень образования будущих студентов был самым разным. В университете учились как имеющие законченное высшее образование (отучившиеся в вузах Китая, Франции и других стран), так и малообразованные крестьяне из сельской местности. Из общего числа студентов в 1925 г. среднее образование имели 40%, высшее незаконченное – 23%, высшее законченное – около 13% и низшее – 24%³¹. По имеющимся материалам за 1930 г., изменения в уровне образования поступивших студентов произошли незначительные. В частности, несколько понизился процент студентов с законченным высшим образованием (до 10,1%) и повысилось количество студентов с низшим образованием (до 28,1%). По-прежнему преобладали лица со средним и незаконченным высшим образованием³².

Абсолютное большинство студентов составляли мужчины. Как правило, китайские студенты брали себе русские псевдонимы. Возраст студентов также был самым разным. За одной партой могли сидеть 17-летний парень и 50-летний мужчина, возрастной ценз определен не был.

Изначально в университете существовали две самостоятельные партийные ячейки: Гоминьдана и Коммунистической партии Китая (КПК). 26 июля 1927 г. ЦИК партии Гоминьдан официально объявил о разрыве всех связей с университетом. «Университет Сунь Ятсена в Москве незаконно использовал имя партийного лидера Гоминьдана для прикрытия того, что занимался тайной заговорщической деятельностью против партии. Никакие организации не должны больше посылать студентов в Москву»³³, – говорилось в заявлении. В результате ячейка этой партии в университете прекратила свое существование.

В соответствии с принципом пролетарского интернационализма коммунист, к какой бы нации он не принадлежал, считался членом компартии той страны, в которой он находился. Однако до 1926 г. в УТК этот принцип практически игнорировался. Китайские студенты-коммунисты были членами не ВКП(б), а Московской секции КПК. Как вспоминает Шэн Юэ, в секции существовал полный авторитарный контроль партийного руководства над всей жизнью студентов. Это «царство террора», «атмосфера подавленного раздражения и глубокой ненависти» вызывали протест со стороны учащихся³⁴. Очевидно, этот факт привел к роспуску Московской секции КПК, в результате чего некоторые из ее руководителей вернулись в Китай. Партком Хамовнического района Москвы направил в университет партийных организаторов, приступивших к созданию организации ВКП(б) среди китайских студентов. То есть шли целенаправленные и активные процессы большевизации китайских студентов.

Основная цель пребывания китайских студентов в Москве – получение образования. В ходе учебного процесса китайцы испытывали целый

ряд трудностей. Первая проблема, с которой они столкнулись, – овладение русским языком. Несмотря на природное упорство и трудолюбие, русский язык китайцам давался нелегко. За весь период пребывания в университете предполагалось не менее 1000 часов занятий по русскому языку. Весьма серьезное внимание уделялось военному делу (также около 1000 часов).

Согласно первому Уставу университета, принятому в 1925 г., срок обучения в нем составлял 2 года. За это время студенты должны были изучить следующие дисциплины:

- иностранные языки: прежде всего русский, в качестве второго языка – на выбор английский, французский, немецкий;
- историю: историю развития общественных формаций, историю развития китайского, российского и западного революционного движения – всего 5 различных курсов;
- философию: курс исторического и диалектического материализма;
- политэкономия;
- экономическую географию;
- основы ленинизма по курсу лекций И. В. Сталина для Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова;

– военное дело. Оно преподавалось на самом высоком уровне военными специалистами, включало как теоретическую подготовку, так и практические занятия по использованию разного рода оружия и летние полевые сборы в армейских гарнизонах Подмоскovie³⁵.

В качестве преподавателей в университет привлекались крупные деятели Советского государства и партии, Коминтерна, преподаватели других коммунистических вузов страны, Института красной профессуры.

В 1926–1927 учебном году в УТК работало 62 преподавателя³⁶. Многие из них получали высокий оклад на уровне партмаксимума (225 рублей в месяц). Для сравнения – средняя зарплата в СССР в 1926 г. составляла порядка 60 рублей в месяц. К. Радек читал студентам курс лекций по истории китайского революционного движения, А. С. Лозовский – по истории рабочего движения. Б. Шумяцкий (псевдоним Андрей Червонный, в 1926–1928 гг. – ректор КУТВ) подготовил и читал два курса – «История русской революции» и «История западных революционных движений». Китайские студенты в обязательном порядке изучали «Азбуку коммунизма» Е. А. Преображенского и Н. И. Бухарина. Однако работы Сунь Ятсена, чье имя носил вуз, почему-то не входили в учебную программу.

Университет находился под особо пристальным вниманием власти. И. В. Сталин интересовался его жизнью и тем, как студенты овладевают знаниями. 15 мая 1927 г. состоялась его встреча со студентами УТК. Сталин приехал в вуз и выступил перед ними, отвечая на их вопросы о китайской революции. Об этом вспоминает Шэн Юэ. От-

веты Сталина на вопросы студентов позже были опубликованы³⁷.

С 1928–1929 учебного года было введено трехгодичное обучение студентов. Помимо основной программы предусматривалось два подготовительных курса для адаптации китайских студентов к жизни в Москве и обучения русскому языку. Таким образом, общий срок учебы в университете должен был составлять 5 лет. Всего к этому времени в университете функционировало 16 кафедр, из которых 9 относились к следующим трем «разрядам»: партийные, исторические и экономические науки. Помимо них в университете были организованы кафедры исторического материализма, советского права и государственного строительства (госстроя), естествознания и математики, языков, военного дела и истории профсоюзного движения³⁸. То есть очевидна направленность учебных программ на изучение дисциплин общественно-политического характера.

Особенность возрастного, партийного состава студенчества, разный уровень образования, знания русского языка максимально учитывались в учебном процессе. С учетом всех этих факторов формировались студенческие группы. Так, была особая группа – «возрастная» – для членов партии с большим стажем. Существовали и так называемые подготовительные группы-классы для малообразованных студентов. Занятия в них велись, как правило, старшекурсниками. В частности, в одной из таких групп работал Шэн Юэ³⁹. Студентов, хорошо владеющих русским языком, использовали в качестве переводчиков на лекциях, за что платили им неплохую зарплату – до 175 рублей в месяц⁴⁰.

Следует особо отметить политическую активность китайских студентов. На протяжении всего времени существования УТК – КУТК в нем проходили многочисленные дискуссии по различным политическим вопросам, заседания, собрания. Например, согласно отчету за первый триместр⁴¹ 1927 г., «на каждый рабочий день приходится 2½ заседания – собрания ... Очень часты собрания Гоминьдана, комсомола и вообще студенческие собрания. Слишком много заседаний руководящих органов»⁴².

Важной характеристикой политических настроений в университете является массовое участие студентов в троцкистских кружках. В 1926 г. троцкистские кружки в университете функционировали легально, переживая период своего расцвета. Несмотря на отстранение в апреле 1927 г. К. Радека – сторонника Троцкого – с поста ректора, троцкистские идеи продолжали существовать в вузе. В 1927 г. его последователей в УТК не стало меньше, они лишь перешли на нелегальное положение, продолжая активную деятельность. В этой связи в вузе в 1927 и 1929 гг. прошли чистки по выявлению сторонников троцкизма. Многие студенты и преподаватели были исключены из

университета, некоторые отправлены в Китай или репрессированы. В Записке в ЦК ВКП(б) делегации китайской компартии при ИККИ от 9 апреля 1930 г. говорилось о том, что изначально в университете большинство составляли члены партии Гоминьдан. К концу 1920-х гг., несмотря на проведенную чистку (речь идет о чистке, начатой в КУТК в осеннем семестре 1929 г.), троцкистская организация университета превратилась в центр деятельности троцкистов-китайцев Москвы. Согласно этому же документу остатки гоминьдановцев и троцкисты вели среди китайских студентов контрреволюционную работу, разрушая и разлагая коммунистические партийные организации, стараясь дискредитировать руководство Коминтерна, ВКП(б) и КПК⁴³.

Таким образом, политические дискуссии занимали достаточно важное место в московской жизни китайских студентов. Руководство университета и страны внимательно отслеживало происходящие там события⁴⁴.

Университет для китайский трудящихся в Москве просуществовал недолго – немногим более 5 лет. За эти годы, по сведениям А. Г. Ларина и О. В. Залеской, обучение в нем прошло около 1600 китайцев, не менее 500 – в КУТВ. Из 118 высших руководителей КПК 1920–1940-х гг., обучавшихся за границей, примерно 70% пришлось на СССР⁴⁵.

Университет внес заметный вклад в национально-освободительное движение Китая, подготовил целую плеяду будущих известных политиков страны, способствовал укреплению сотрудничества между двумя крупнейшими государствами – СССР и Китаем. Университет для трудящихся Китая окончили известные политические деятели разных лет. Из числа его выпускников вышли 4 генсека ЦК КПК (Ван Мин, Цинь Бансянь, Чжан Вынтъян, Дэн Сяопин), председатель КНР У Ланьфу, лидер Гоминьдана и президент Тайваня в 1978–1988 годы Цзян Цзинго, маршал Е Цзяньин, министры, парламентарии.

Итак, в середине 1920-х гг. в СССР было создано уникальное государственное специфическое учебное заведение полузакрытого типа, готовившее кадры революционеров для Китая. Поскольку государство не хотело раскрывать истинных мотивов создания этого университета, официально созданием УТК занимался не Наркомпрос, а специальное Общество содействия. Университет трудящихся Китая имел ряд особенностей. Среди них – упрощенная структура университета (без факультетов), деление учебного года на три (а не два) семестра, наличие учебных программ, ориентированных на общественно-политические дисциплины, неоднородный во многих отношениях студенческий состав (по социальному статусу, уровню образования, возрасту, преобладанию мужчин). Непродолжительная деятельность этого высшего учебного заведения свидетельствует о переходе большевиков от призывов и лозунгов о

мировой революции к практическому осуществлению своих замыслов.

Судьба этого вуза, по нашему мнению, связана не только с международной ситуацией и событиями в Китае в изучаемый отрезок времени, но и с характером проводимой в СССР национальной политики. В 1930-е гг. в ходе национальных репрессий многие преподаватели и студенты КУТ подверглись преследованиям. Отказ советских идеологов от доктринальной установки на скорое свершение мировой революции – еще одна немаловажная причина перемен в национальной политике. И хотя крупнейшие интернациональные вузы – КУНМЗ и КУТВ – продолжали существовать до 1936 и 1938 гг. соответственно, поворот в этом вопросе произошел в самом начале 1930-х годов. Индикатором такого поворота, на наш взгляд, может служить закрытие Коммунистического университета трудящихся Китая в апреле 1930 года.

Примечания

- 1 Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнаца. 1917–1923 (вместо отчета). М., 1924. С. 159.
- 2 См.: Жизнь национальностей. 1923. № 1. С. 259.
- 3 См.: Чеботарева В. Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938. М., 2008.
- 4 См.: Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 51–52.
- 5 См.: Ларин А. Г. Китайцы в России: вчера и сегодня. М., 2003; *Он же*. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.
- 6 См.: Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007.
- 7 См.: Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция. М., 2001.
- 8 См.: Спичак Д. А. О подготовке в Советской России будущих руководящих кадров Китайской Народной Республики // 60 лет КНР. 60-летие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009) : тез. докл. XIII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М.: ИДВ РАН, 2009. С. 203–204; *Она же*. Китайские студенты Москвы и сталинские репрессии 30-х гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2005. № 2. С. 43–55.
- 9 См.: Спичак Д. А. История подготовки кадров компартии Китая и Гоминьдана в московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- 10 См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994.
- 11 Жизнь национальностей. 1923, 1924 гг.
- 12 Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. М., 2009.
- 13 Гоминьдан – национальная (некоторые исследователи называют ее националистической) партия Китая, игравшая руководящую роль в революции 1911 г. и правившая на большей части страны с 1926 г. по 1949 год.
- 14 По переписи населения 1926 г. в СССР проживало более 10 тыс. китайцев (см.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. Союз Советских Социалистических Республик. Отдел 1. М., 1929. С. 8–14.). Эти сведения нельзя считать абсолютно точными, они учитывали лишь граждан СССР. В СССР проживало гораздо большее количество китайских переселенцев. Так, О. В. Залеская на 1926 г. только по Дальнему Востоку приводит следующую цифру осевших там китайцев – 72 005 человек (см.: Залеская О. В. Указ. соч. С. 345).
- 15 См.: Спичак Д. А. История подготовки кадров... С. 14.
- 16 См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994. С. 534.
- 17 Там же. С. 587.
- 18 Шэн Юэ. Указ. соч.
- 19 Сунь Ятсен – основатель и руководитель национальной партии Гоминьдан (создана в 1912 г.). К моменту создания УТК его уже не было в живых (умер 12 марта 1925 г.).
- 20 РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
- 21 Шэн Юэ. Указ. соч. С. 45.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 66. Прим.
- 24 Позднее они сыграли важную роль во внутривластной борьбе в Китае, поставив под свой контроль ЦК КПК.
- 25 Цит. по: Шэн Юэ. Указ. соч. С. 61.
- 26 Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма : в 5 т. Т. 5, вып. 2. М., 1933.
- 27 Бородин Михаил Маркович (Грузенберг) (1884–1951) – с 1923 по 1927 г. – политический советник ЦИК Гоминьдана. После антикоммунистического переворота Чан Кайши отозван в Москву, где затем работал в Наркомате труда, в ТАСС, в 1941–1949 гг. – главный редактор Совинформбюро. В ходе кампании по борьбе с космополитизмом арестован в 1949 г. Умер в исправительно-трудовом лагере в 1951 году.
- 28 РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 89. Л. 145.
- 29 См.: Спичак Д. А. История подготовки кадров... С. 15.
- 30 См.: РГАСПИ. Оп. 1. Д. 69. Л. 19. Процентное соотношение подсчитано автором.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Шэн Юэ. Указ. соч. С. 60–61.
- 34 Там же. С. 122.
- 35 См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–9об.
- 36 См.: Спичак Д. А. История подготовки кадров... С. 17.
- 37 См.: Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. Т. 9. М., 1952. С. 239–268; Шэн Юэ. Указ. соч. С. 177.
- 38 См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 55. Л. 16 об.
- 39 См.: Шэн Юэ. Указ. соч. С. 91.

⁴⁰ Там же. С. 85.

⁴¹ Учебный год в УТК делился на 3 части – триместра.

⁴² См.: РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 2. Д. 47. Л. 37.

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 68. Л. 7–8.

⁴⁴ Подробнее о троцкистских кружках в УТК см.: Панцов А. В. Указ. соч. Гл. II.

⁴⁵ См.: Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. С. 133; Залеская О. В. Указ. соч. С. 52.

УДК 940.5

ИДЕИНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОТИВОБОРСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ПЕРИОДА РЕЖИМА САНАЦИИ В ПОЛЬШЕ

И. К. Ким

Волгоградский государственный педагогический университет
E-mail: kokes@mail.ru

Статья посвящена политическим идеям, которые являлись основой для сотрудничества и противоборства политических сил в Польше периода режима санации (1926–1939 годы). Выявляются идеи, которые могли сблизить отдельные политические силы или вести к их соперничеству.

Ключевые слова: история Польши, внутренняя политика, история идей, режим санации, политические партии.

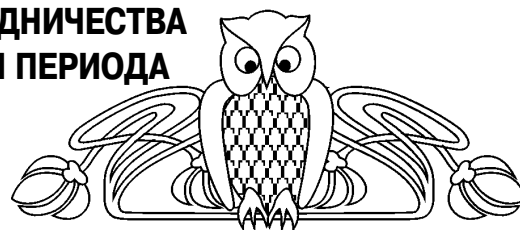
The Ideological and Political Basis of Cooperation and Confrontation Political Forces during the Sanacja Regime in Poland

I. K. Kim

Article is devoted to policy ideas that were base for cooperation and confrontation between political forces in Poland during the sanacja regime (1926–1939). Identified ideas that could sat-licking certain political forces or lead to their rivalry.

Key words: Polish history, domestic politics, history of ideas, sanacja regime, political parties.

Внутриполитические отношения в Польше в период режима санации (1926–1939 гг.) отличались сложностью расстановки и взаимоотношений основных польских политических сил (лагерей и партий, их представляющих). С майского переворота 1926 г. в стране формируется новый правящий санационный (пилсудчиковский) лагерь, включивший в себя группировки разных идейных направлений – от консерваторов до социалистов. Созданный в 1928 г. предвыборный Беспартийный блок сотрудничества с правительством (ББВР) стал до 1935 г. основной политической организацией правящего лагеря, а с 1937 г. таковым стал Лагерь национального единства (ОЗН). Из санационного лагеря накануне войны выдвинулось оппозиционное Стронництво демократычне (СД), объединившее часть левых пилсудчиков. Оппозиция санации была представлена партиями четырёх политических лагерей. Правонационалистический лагерь эндэции возглавлял с 1926 г. Лагерь Великой Польши (ОВП), а с 1928 г. – Стронництво народове (СН), от которого в 1934 г. отделился Национально-ра-

дикальный лагерь (ОНР). Демократические силы представляли лагерь: центристский в составе Польского стронництва христианской демократии (ПСХД) и Национальной рабочей партии (НПР), объединившиеся в 1937 г. в Стронництво працы (СП); людовский (крестьянский), в который входили центристский «Пяст» и левые партии «Вызволене» и Стронництво хлопске (СХ), объединившиеся в 1931 г. в Стронництво людове (СЛ); социалистический, олицетворяемый Польской социалистической партией (ППС).

Крайне непросто выявить факторы, в зависимости от которых эти силы готовы были идти на сотрудничество или противоборствовать друг с другом. В статье анализируются идейно-политические основы, содержащиеся в их программных документах, позволявшие вышеназванным силам сблизиться или бороться. При этом программные положения не стоит абсолютизировать: у ряда партий программы обновлялись нечасто, а тактика в деятельности партий нередко брала верх над стратегическими программными установками.

У основных польских политических сил было не много программных положений, по которым существовал консенсус. Таковым было прежде всего признание ценности самого факта существования независимого Польского государства. Декларация ББВР гласила: «Работа, выполненная правительством Маршала Пилсудского, убеждает нас, что найден соответствующий путь, ведущий к мощи Государства и благополучию его граждан»¹. В декларации же ОЗН расставлялись несколько иные акценты: «Государство является единственной формой правильного существования бытия нации», в качестве ведущей идеи назывались «оборонительная сила и мощь Государства»². В программе СН указывалось: «Польская нация является создателем Польского государства и единственным постоянным источником его силы. Противопоставление принципа государственности и национального принципа ошибочно и губительно»³. ПСХД декларировало себя сторонником «сильного правительства» и